

Ши Гуан набрался смелости и заговорил с Жэнь Жанем.

— Каждый, кто любит баскетбол, — мой друг, — Жэнь Жань погладил текстурную поверхность мяча и, подняв голову, улыбнулся. — Те, кто любит баскетбол, плохими людьми быть не могут.

На мгновение Ши Гуану показалось, что он увидел самую прекрасную улыбку на свете. Он даже подумал, что спустя десятилетия, перед самой смертью, этот образ будет глубоко запечатлен в его сознании, и даже если душа будет скитаться, он не сможет его забыть. Весенний ветер не сравнится с твоей улыбкой, кто не видел — тот не поймет. Ши Гуан впервые осознал, что есть слова песен, которые ложатся на душу столь точно.

— Жэнь Жань, смотри, я обязательно стану сильнейшим легким форвардом! — Ши Гуан смотрел на него, и в его глазах, казалось, плясало жаркое пламя. Последствием прилива крови к голове стало то, что он наговорил лишнего. В пылу разговора он уже готов был отбить у Жэнь Жана место главного героя.

— Сначала научись попадать, а потом разбрасывайся словом сильный, — Жэнь Жань развернулся и подошел под кольцо, поставив там нечто квадратное, похожее на электронный будильник. — Это счетчик. Попадешь двести трехочковых — можешь вызвать меня на дуэль.

Сказав это, Жэнь Жань махнул рукой и продолжил тренировку.

— Договорились! Сегодня как минимум три раза с тобой сразимся, — Ши Гуан, потирая руки, был полон решимости.

— Сначала попади шестьсот раз, а потом поговорим.

Снова встав за трехочковой линией, Ши Гуан понял, что бросать быстро и точно — задача невероятно сложная. Если поторопишься — техника ломается, если медлишь — эффективность падает. Шестьсот попаданий казались астрономической цифрой, придуманной лишь для того, чтобы похвалиться. Ши Гуан не удержался и снова посмотрел на Жэнь Жана: тот бросал стремительно, почти каждые две секунды, и без всякого сопротивления практически не промахивался. По сравнению с этим пулеметом, его собственная игра выглядела как старая винтовка Ханьян, которую нужно заряжать перед каждым выстрелом.

Наконец, когда уже совсем стемнело, Ши Гуан забросил двухсотый мяч. После дуэли он не выдержал и спросил:

— Можно задать тебе вопрос?

— Это связано с баскетболом? — Жэнь Жань поднял на него взгляд.

— Э-э... а есть разница? — не понял Ши Гуан.

— Я не отвечаю на вопросы, не связанные с баскетболом, — отрезал Жэнь Жань, не оставляя пространства для дискуссий.

— Мой как раз связан, — Ши Гуан был полным профаном в баскетболе, и даже если бы хотел сказать что-то не по теме, просто не смог бы. У него не было того самого извива мозга, чтобы вести светские беседы. Если кто-то, вокруг кого всегда вьется толпа запасных вариантов, — это игрок уровня короля, то Ши Гуан — бронзовый новичок, просящий помощи.

— Тогда спрашивай.

— Каково это — иметь такой точный бросок? — Ши Гуан чувствовал, что бросок — это не только техника, но и ощущения. Точно так же, как и любовь к человеку — это вопрос чувств.

— Наверное, это похоже на то, как будто баскетбольное кольцо становится широким, как океан.

— Я хочу посмотреть на океан вместе с тобой, — сорвалось у Ши Гуана с языка.

— А? Ты что-то сказал? — в спортивном зале было слишком просторно, и Жэнь Жань не расслышал.

— Ничего, это эхо, — Ши Гуан представил, как они с Жэнь Жанем гуляют по побережью в пляжных шортах, и его лицо вспыхнуло, как спелый баклажан.

На другой стороне, в команде «Сильный ветер», Сяо Шуюэ тренировался в одиночестве в пустом зале. Смена направления, резкая остановка, бросок в прыжке... рывок, проход под кольцо, лэй-ап...

Он снова вспомнил Линь Тинъюя. И дело было не в том, что он был сентиментальным романтиком, просто команда «Сильный ветер» была слишком странной. На каждой тренировке все отдавали мяч ему, чтобы он бросал.

— Послушайте... старшие, не нужно каждый раз, переходя половину поля, отдавать мяч... мне, — разыгрывающий команды, старший товарищ, каждый раз, пересекая центр, тут же пасовал ему, не теряя ни секунды, и оставлял его играть в одиночку. Как разыгрывающий, ты мог бы хотя бы сделать вид, что организуешь атаку! Сяо Шуюэ так разнервничался, что начал заикаться.

— Все в порядке, не стесняйся. У меня такой уровень, организатор из меня никакой, но ведение мяча я держу уверенно, — Чэн Цюань, разыгрывающий «Сильного ветра», был бетой под тридцать. Таланта у него не было никогда, но он стабильно водил мяч и отдавал пасы —

типичный средний игрок.

— Старший, я... я не пренебрегаю вашим уровнем, — почему в «Сильном ветре» все так сложно? Почему каждый раз, когда говоришь много, ничего не получается объяснить? Чем больше Сяо Шуюэ волновался, тем труднее было говорить. — Я о том, что... остальные тоже могут бросать. Не должен же я... бросать за всех.

— Мы не попадаем, только зря тратим шансы. Но ты не бойся, у нас в команде все — функциональные игроки, умеют подбирать и защищаться, так что бросай смело. Сестренка, бросай смелее, не оглядывайся! — таков был девиз «Сильного ветра». Все равно победить не светит, так лучше вложиться в развитие новичка. У Сяо Шуюэ первоклассный талант, вдруг из него получится лучший бомбардир, и его можно будет выгодно продать.

Как же тяжело на душе... Сяо Шуюэ молча вытер пот и продолжил бросать.

До нового сезона оставалось семь дней, и каждая команда по негласной традиции давала игрокам отпуск, чтобы те могли побыть с семьей. Ведь как только начнутся игры, игрокам придется постоянно мотаться между домашними и гостевыми аренами, и времени на близких не останется. Поэтому даже такой фанат тренировок, как Жэнь Жань, отложил мяч и отправился домой.

— Брат, тетушка Лю! Я вернулся! — Жэнь Жань, с рюкзаком спортивного бренда, лицом которого он являлся, ворвался в дом, словно порыв ветра.

— Наш маленький господин все такой же энергичный, — тетушка Лю раньше была няней в семье Жэнь и отвечала за питание братьев. Позже, когда родители скончались и семья пришла в упадок, они жили лишь на то, что старший брат Жэнь Жань зарабатывал написанием романов в интернете. В те годы тетушка Лю даже не просила зарплату, заботясь о братьях как мать. Лишь в прошлом году, когда Жэнь Жань попал в лигу и подписал контракт с известным брендом, их жизнь начала возвращаться в прежнее русло.

— Я же так спешил домой, — Жэнь Жань, высокий и широкоплечий, обнял тетушку Лю и ласково спросил: — А где брат?

— Тсс, старший господин пишет роман, не велел беспокоить.

Жэнь Жань тихо поднялся наверх, осторожно приоткрыл дверь. В полумраке комнаты молодой человек яростно стучал по клавишам. Жэнь Жань заглянул через плечо, но тут же получил удар мышкой по голове.

— Не читай пиратские сайты, иди на официальный портал и оплати подписку!

— Да я не только читаю! Я каждый день голосую за тебя и поднимаю в рейтингах! — только перед братом Жэнь Жань становился обычным подростком, который мог пошалить и поластиться.

— Вот это уже похоже на родного брата, — молодой человек обернулся и тепло улыбнулся. В отличие от Жэнь Жаня, внешность старшего брата Жэнь Раня идеально соответствовала представлениям об омеге: изящные черты лица, мягкие контуры, присущая омегам хрупкость. Это был невероятно красивый мужчина, но на этом прекрасном лице всегда лежала печать болезненности и бледности, не соответствующая его возрасту.

Жэнь Жань отвернулся, чтобы сосредоточиться на печати, а Жэнь Жань прислонился к изголовью кровати, глядя на его тонкую, худую спину.

Девять лет назад боль от потери родителей постепенно забывалась. Десятилетний Жэнь Жань каждый день проводил с баскетбольным мячом на заднем дворе. Брат был рядом, пасовал ему, вел записи. Ему казалось, что брат — самый красивый человек на свете, его лицо всегда озаряла улыбка. Он собирался выйти замуж за своего возлюбленного, с которым дружил с детства, и даже носил под сердцем ребенка.

— Я скоро стану дядей! — Жэнь Жань раскрыл ладони и осторожно погладил брата по животу. Хотя тот был круглым, как мяч, он обращался с ним совсем не так грубо, как с инвентарем.

— Ты еще такой маленький, а уже думаешь о статусе старшего в семье? — подшучивал Жэнь Жань.

— Когда мой племянник выйдет поиграть?

— Ты что, уже начал делить детей на мальчиков и девочек? — Жэнь Жань был остр на язык и каждый день подкалывал своего недалекого младшего брата.

— Я просто хочу, чтобы кто-то играл со мной в баскетбол, — хотя братья были очень похожи, их характеры и увлечения были противоположны. Брат с детства любил книги, писал романы так легко, будто играючи выдавал по десять тысяч знаков в день. А Жэнь Жань с начальной школы путался в длинных текстах, бросал портфель и бежал на площадку.

— Он родится уже в форме мяча, какой там баскетбол, скорее, ты сам будешь его пинать, — Жэнь Жань начал нести чепуху.

— Значит, дети рождаются в форме мяча? — Жэнь Жань поверил.

— Вру я тебе, дурачок, — Жэнь Жань щелкнул брата по лбу. Как этот глупыш мог верить во все, что он говорит?

— Все говорят, что я баскетбольный гений, только ты называешь меня дураком. Больше не буду с тобой дружить, буду дружить с племянником, — Жэнь Жань начал загибать пальцы, серьезно подсчитывая: — Если посчитать племянника и брата Чэн Шэна, нас в семье будет пятеро.

Чэн Шэн был тем самым другом детства, на котором Жэнь Жань собирался жениться.

— М-да, с арифметикой в пределах десяти у тебя неплохо, — снова подколот его брат.

На этот раз Жэнь Жань не обиделся, он был погружен в радость от того, что семья снова стала большой. Но потом нахмурился:

— Нет, брат Чэн Шэн считается только за половину.

— Человек может быть половинкой? — рассмеялся Жэнь Жань.

— Конечно, кто просил его забирать тебя у меня, — заявил Жэнь Жань.

Так он жил, ожидая, когда вырастет, и предвкушая статус дяди, и наконец-то снова стал таким же жизнерадостным, каким был при родителях.

Но когда он вернулся из баскетбольного лагеря после летних каникул, то обнаружил, что ни брата, ни тетушки Лю дома нет. В огромной вилле впервые стояла тишина.

— Племянник скоро родится, а они где-то шлелятся. Взрослые люди, а ведут себя как дети, — проворчал Жэнь Жань, бросая портфель.

Однако время шло, наступил вечер, а дома все еще никого не было. Он начал беспокоиться, звонил Жэнь Жаню и тетушке Лю, но телефоны были недоступны. Два года назад, когда погибли родители, их телефоны тоже молчали... Он не мог больше сидеть на месте, схватил телефон и рванул из дома. У порога он столкнулся с запыхавшейся, растрепанной тетушкой Лю.

— Маленький господин, скорее в больницу! — она схватила его и потащила за собой. Она сжимала его руку так сильно, что на нежной коже остались красные следы.

— Брат рождает племянника? — не выдержал Жэнь Жань в такси.

— ... — тетушка Лю молчала, шмыгая носом, пытаясь скрыть плач в голосе. — Не спрашивай, в больнице узнаешь.

— Это что-то плохое? Как тогда, с папой и мамой? Брат... он жив? — Жэнь Жань закусил губу,

его глаза и кончик носа покраснели, но он сдерживался, чтобы не заплакать. Он считал себя мужчиной и не мог позволить себе слезы на глазах у тетушки.

Тетушка Лю не успела ничего ответить, такси остановилось у корпуса больницы. Жэнь Жань покорно следовал за ней. Перед тем как войти в палату, он утешал себя: хорошо, что это палата, а не морг.

Но, войдя, он застыл, словно марионетка, и механически подошел к кровати. Жэнь Жань лежал бледный, глаза были закрыты, брови слегка нахмурены, к руке была подключена капельница, холодная, как дверная ручка зимой. Взгляд Жэнь Жэня упал на живот брата, и он с ужасом увидел, что тот исчез.

— Брат... — голос был тихим, сдавленным, словно он боялся разбудить его.

Жэнь Жань открыл глаза и улыбнулся, хотя эта улыбка была такой слабой, что сердце разрывалось.

— Вернулся? Хорошо отдохнул в лагере?

Услышав это, Жэнь Жань больше не мог сдерживаться и зарыдал, как настоящий десятилетний ребенок.

— Брат, что с тобой? Где племянник? Где брат Чэн Шэн, почему он не с тобой? — он плакал, захлебываясь от рыданий.

Жэнь Жань взял его за руку, заставил присесть у кровати и стал гладить по спине.

— Мы с Чэн Шэном расстались. А ребенок... я не хотел оставлять ребенка от человека, которого больше не люблю. Поэтому я позволил ему стать ангелом.

— Какое расставание, какая нелюбовь? Вы же собирались пожениться! — Жэнь Жань совсем не понимал, о чем говорит брат.

— Не спрашивай, это не то, что должны знать дети. Я устал, хочу поспать. Иди с тетушкой Лю поешь.

Жэнь Жань закрыл глаза. Жэнь Жань не хотел уходить, но в конце концов тетушка Лю его увела.

За ужином он узнал, что Чэн Шэн метил другого омегу, желая усидеть на двух стульях. Хотя в нынешнем обществе для богатых альф иметь несколько омег было делом обычным, Жэнь Жань не смог этого принять, избавился от ребенка и решительно порвал отношения.

— Если бы господин и госпожа были живы, разве посмели бы так обидеть старшего господина? Все потому, что у нас больше нет денег, — тетушка Лю не выдержала и разрыдалась. — Они ведь уже прошли через пожизненную метку, как теперь старший господин будет жить? Омега без альфы обречен на страдания.

Услышав это, Жэнь Жань не смог сдержаться. Он прокрался на кухню и вытащил нож для рыбы.

— Я убью его! — десятилетний ребенок с кухонным ножом в руках, с красными от ярости глазами, скрипел зубами. Тетушка Лю от страха не могла встать с пола, обхватив его ноги, она выла: — Маленький господин, ты хочешь меня до смерти напугать? Брось нож!

— Я убью его! Мне нет четырнадцати, за убийство не казнят! — Жэнь Жань отличался от брата. С шести лет он играл в баскетбол, в его крови кипел азарт и была отчаянная решимость.

Тетушка Лю, бледная как полотно, молила персонал и хозяина ресторана помочь остановить мальчика:

— Помогите, удержите его! Это хороший ребенок, нельзя допустить, чтобы он погубил свою жизнь!

Хотя Жэнь Жаню было десять, ростом он был уже метр семьдесят, и сил у него было много. Только четверо взрослых смогли его удержать и отобрать нож.

Тетушка Лю не решилась оставить его одного и отвела обратно в палату, чтобы Жэнь Жань присмотрел за ним.

Жэнь Жань стоял перед кроватью, стиснув зубы:

— Брат, я не позволю никому обидеть тебя.

— И поэтому ты решил убить человека? — спросил Жэнь Жань. Он все еще был слаб, голос не звучал строго, но в нем чувствовался авторитет старшего.

— Я не позволю тебе причинить вред. Тот, кто обидел тебя, должен заплатить.

— Это всё, что ты можешь сказать? Ты четыре года ходил в начальную школу и научился только этой фразе?

— Я...

Жэнь Жэнь прервал его:

— Когда сможешь сказать что-то более осмысленное — приходи. А не можешь — стой здесь.

Жэнь Жэнь простоял у кровати всю ночь. Конечно, он не пошел убивать, чтобы отомстить за брата, но с того дня он перестал верить альфам и в то, что между альфами и омегами существует любовь.

Воспоминание было долгим. Жэнь Жэнь закончил главу, обернулся к нему, и Жэнь Жэнь, вынырнув из оцепенения, вдруг спросил:

— Брат, ты все еще веришь в любовь между альфой и омегой?

— Верю, — улыбнулся Жэнь Жэнь. — Если я сам не верю, как я заставлю верить своих читателей?

Говорят, любовь — как вино: если однажды поранился, половина вылилась, а в остатки добавили воды. Поэтому с каждой новой любовью концентрация становится все ниже. Но у брата, казалось, была магия: сколько бы он ни разливал, у него всегда оставалось еще три полных бокала. Жэнь Жэнь не знал, чистота ли это души или глупость. Что до него самого, то он за этот стол вообще не садился, в его бокале была только чистая вода.

— Все еще болит? — Жэнь Жэнь не умел красиво говорить и не спорил о взглядах, просто сменил тему.

— Уже лучше.

Жэнь Жэнь был помечен пожизненной меткой, и принудительное ее удаление из железы, особенно в области репродуктивной полости, приносило адские муки при каждой течке. Девять лет пытки не прекращались. Слова о том, что стало лучше, были лишь попыткой успокоить Жэнь Жэня.

Жэнь Жэнь прекрасно все понимал, но не стал развивать эту тему, а сказал:

— Я выучил у нашего массажиста один прием, говорят, помогает при течке. Давай я разомну.

— Пощади, с твоей силой ты меня на части разорвешь, — засмеялся Жэнь Жэнь. — Лучше ты, наконец, перерос возраст первой любви, влюбись уже в кого-нибудь.

— Разве я не влюблен? — парировал Жэнь Жань.

— И где этот человек? Я не вижу.

— Баскетбол, — ответил Жэнь Жань. — Любой другой человек в моей жизни — это лишний третий.

Он выглядел таким довольным, словно слился с мячом в единое целое.

— Ну ты и ребенок, — Жэнь Жань беспомощно и с любовью улыбнулся. Он еще мал, торопиться некуда, рано или поздно он встретит того, кто заставит его поверить в любовь.

Жэнь Жань пробыл дома всего шесть дней и вернулся в команду на последнюю совместную тренировку перед игрой.

В день матча тренировок не было, нужно было лишь днем приехать на арену для разминки. Перед отъездом Жэнь Жань привычно измерил температуру и пульс. Результат: 37 градусов и 100 ударов в минуту (у спортсменов пульс обычно 70 или ниже). Оба показателя были завышены.

— Только не течка, — нахмурился он. Его дурацкая течка не имела никакого графика, но всегда норовила начаться в самый неподходящий момент, особенно перед важными играми. Это был первый матч сезона, в составе произошли изменения... но, как бы то ни было, он должен победить.

Жэнь Жань проглотил ингибитор, наклеил пластырь на железу и сбрызнул все тело спреем, блокирующим феромоны. Таковы были правила лиги: с появлением бет и омег на площадке установили датчики феромонов, чтобы альфы не могли контролировать других игроков. Если сработает сирена, значит, уровень феромонов превышен, и человека, будь он альфа или омега, удалят с площадки ради честной игры. Жэнь Жань не хотел проигрывать, даже не начав бой.

Выйдя из раздевалки, команда ждала выхода в темном коридоре.

— Капитан, давай наш круг для настроя! — Лу Синхан хлопнул Жэнь Жана по спине и внезапно заметил, что под его кожей проступает неестественный розовый оттенок.

Раз старший попросил, Жэнь Жань не мог отказаться — это была традиция, оставленная капитаном Яном, и он не мог ее нарушить. Собравшись с духом, он протянул руку. Ши Гуан, Лу Синхан, Фэн Юань, Чан Шэн — все по очереди положили свои руки сверху.

— Команда «Белая птица»! — проревел Жэнь Жань, чувствуя, как сжимается горло.

— Победа! — проскандировали игроки стартового состава и десять запасных. Если бы коридор был не таким прочным, он бы точно рухнул от такой мощи.

Круг разомкнулся, команда выстроилась для выхода. В тот момент, когда они переходили из тьмы к свету, кто-то обнял Жэнь Жаня за плечи. Это был Лу Синхан.

— Ты что, в течке? — прошептал он прямо в ухо, чтобы никто не услышал.

Жэнь Жань не стал отвечать, посмотрел на свои руки и сказал:

— Горячие руки — это даже неплохо.

— В любом случае будь осторожен, те двое стариков из «Гигантских китов» просто так не сдадутся.

Ши Гуан стоял у входа в коридор, и, как только Жэнь Жань вышел, они столкнулись лицом к лицу.

— Что-то случилось? — спросил Жэнь Жань.

— Нет, — ответил Ши Гуан.

Раз ничего, чего ты на меня пялишься? — подумал Жэнь Жань. Ши Гуан, словно прочитав его мысли, добавил:

— Ты сегодня какой-то не такой, как обычно.

<http://bllate.org/book/18566/1786990>